механизированой дивизии – заместителя начальника разведотдела корпуса. Но моя войсковая служба после академии так и не состоялась. Нас, хорошо окончивших разведфакультет (30 человек), вызвали на собеседование и предложили (читай: приказали) продолжить обучение на Краснознамённых Высших академических курсах (ВАК) офицеров разведки Генерального штаба. Эти курсы после создания в 1946 году Военно-дипломатической академии, готовили офицеров-специалистов для оперативной агентурной разведки.

И вот гвардии майор В. Грошев уже в Филях, снова за партой. Здесь же, в Филях, в заводском бараке, где около двадцати семей пользовались одной общей кухней, мы с Милой сняли угол в 18-метровой комнате (всего в ней проживало 8 человек) Было тесно, но все мы жили на каком-то трудно теперь объяснимом подъёме (вероятно, просто были молоды). Познавать новое (агенты, вербовка, тайники, явки, микроточки, агентурная сигнализация) оказалось очень интересно.

Летом на практические занятия мы выезжали в Подмосковье (Соколовка) и жили в палаточном лагере (туда приезжала и Мила). Большое внимание уделялось изучению английского языка (в академии я тоже учил английский) и спорту. В конце 1951 года и этот учебный барьер был преодолён – опять-таки с отличием и денежной наградой. Вскоре нас, пятерых, успешно окончивших ВАК, пригласили в Главное разведывательное управление на беседу. Мне предложили службу в стратегической агентурной разведке, в составе англо-американского управления, в котором я и задержался на целых два десятилетия. И стали готовить на должность представителя Минобороны по делам репатриации советских военнослужащих и гражданских лиц, оказавшихся в результате войны в Канаде. В 1952 году эти должности во всех странах сократили, и меня перевели на английский участок. Началась напряжённая подготовка, связанная с предстоявшей работой в Великобритании.

Помнится, что только в 1952 году я впервые облачился в приличную гражданскую одежду (костюм, плащ, шляпа и т. д.), полученную на складе в ГРУ. Летом, как обычно, всей семьёй мы поехали в Карсун. Однажды были в гостях у сестры Кати в Сосновке. Там её муж Лева[2] работал лесничим. На обратном пути, забираясь в кузов грузовика, я порвал свой прекрасный габардиновый плащ. А мне перед выездом в заграничную командировку было положено его сдать (!). Но сестра Нина сумела мастерски его заштуковать.

Хочу ещё раз сделать некоторое отступление. Трижды, находясь после войны на учёбе в Москве, я часто оставался в столице один, без семьи, которую я любил, и мне её очень не хватало. Спасительной отдушиной для меня была в те времена семья моего карсунского друга детства и юности Саши Абрамова. Большая семья его жены Лены принимала меня как родного. Здесь у Писаревых-Абрамовых я встречал не один большой праздник. Приходил к ним и в будни, когда мне было лихо. И всегда меня встречали открытость, дружелюбие и хлебосольность. Частыми гостями мы бывали здесь с Милой и детьми.

Заглядывал я и на Смоленский бульвар к тёте Вере Голенкиной, а чаще – к хлебосольной родне: моей тёте Жене и дяде Васе в М. Власьевском переулке (иногда приходили сюда с карсунским одноклассником Лёшей Урановым, который учился в архитектурном институте).

Наступил декабрь 1952 года. Подготовка к командировке закончена, меня с иголочки экипировали вплоть до чемодана. Пора в путь, за кордон, в неизвестность...

На американском военном «Дугласе» долетели до Вильнюса, оттуда (опять же самолётом) – в Берлин. Здесь пробыли два дня, так как в рождественские праздники самолёты в Англию не летали. Наконец перед самым новым, 1953 годом мы (я, Мила и дочка Таня) приземлились в Великобритании. Началось наше английское обустройство. Моя официальная должность – референт аппарата военно-воздушного атташе. Вскоре я стал уже помощником военного атташе.

О той лондонской пятилетке, о начальниках и друзьях, с которыми мы постоянно общались, официальных и неофициальных мероприятиях, о встречах с интересными и даже знаменитыми людьми, об агентурной работе можно было бы написать много. Но об этом как-нибудь потом, когда придёт вдохновение. В частности, проживая в Англии, мы в разных вариантах общались со многими известными отечественными исполнителями (балет Большого театра, ансамбль им. А.Б. Александрова), с которыми я совершал длительные служебные турне по стране пребывания. В том же списке – Н. Хрущёв, Н. Булганин, Е. Фурцева, Ю. Гагарин, В. Терешкова, Е. Евтушенко, М. Шолохов, известные спортсмены Ю. Власов, Л. Яшин, А. Чудина и другие.

В моей первой заграничной командировке 1 августа 1955 года мы с третей попытки родилитаки сына – около 4 кг весом и более 50 см ростом. Многие из персонала госпиталя специально ходили посмотреть на русского «богатыря-боя». А пока я ждал его рождения, видимо, так надоел справочной службе госпиталя Сент-Мэри частыми звонками, что при очередном обращении мне сообщили о якобы появившемся на свет сыне. К счастью, преждевременная информация оказалась в руку, а собравшиеся у меня друзья дошли до кондиции заранее, до рождения Саши.

Ту командировку я завершил с хорошими служебными результатами, и командование решило меня поощрить весьма оригинально: в Москве мне была предоставлена жилплощадь в две комнаты (24 кв. м) на Большой Молчановке, в квартире ещё с двумя семьями сотрудников ГРУ. Говорили, что то был чуть ли не первый факт, когда офицеру, ещё находившемуся за рубежом, выделили жильё.

В 1958–1959 годах я служил старшим офицером на английском участке. Мы переселились в Мневники в отдельную двухкомнатную квартиру – наше первое отдельное жильё! А 5 января 1960 года началась моя вторая английская пятилетка. На сей раз – в качестве старшего помощника военного атташе (исполнял обязанности и военного атташе), звание – полковник. Средняя дочь Таня продолжила учиться в советской начальной школе, а Саша

пошёл в первый класс, будучи с нами в Англии. Мы жили в основном в представительских домах, но снимали квартиру и в городе, на Московской улице (Moscow Rd.)

В рамках служебных заданий.
С первым космонавтом Земли Ю.А. Гагариным.
В.Ф. Грошев – крайний слева. 1960-е годы

Возвратившись из той командировки в октябре 1964 года (опять-таки с положительными служебными результатами), я занял должность заместителя начальника английского направления (Великобритания, Австралия и Новая Зеландия) и занимал её до июня 1968 года. Ещё в апреле того же года наша большая семья перебралась в трёхкомнатную квартиру на московской улице Куусинена, в которой ныне коротаем старость втроём – с Милой и кошкой Ксюшей.

С июня 1968 года на службе в Канаде я оказался один в четырёх лицах: военный, военно-воздушный, военно-морской атташе и старший оперативный начальник, то есть резидент. Таковой была новая интересная работа: под моим началом два коллектива оперативных и технических работников (в Оттаве Монреале) с различными заботами служебного и хозяйственного плана.

Живём с комфортом в трёхэтажном представительском особняке. Здесь ещё заселён только мой шофёр и тоже с семьёй. Несмотря на большую занятость, выкраиваем время и на отдых (летом и зимой выезды на рыбалку или просто на природу, поездки по стране пребывания, игра в волейбол или настольный теннис, изредка – в преферанс). Здесь, в Канаде, пришло известие, что наша средняя дочь Таня собралась замуж, поэтому мама Мила в феврале 1969-го отправилась в Москву, чтобы представлять родителей на свадьбе. Вскоре полетел в свою столицу и я – на совещание резидентов. А на следующий год в Канаде нас навестил сын Саша. Я решил показать ему эту страну максимально: устроил гостевое путешествие на теплоходе «Александр Пушкин» из Квебека до Монреаля, поездки на Ниагарский водопад и на выставку «ЭКСПО–67».

В 1970 году, приехав домой в отпуск, я почувствовал себя неважно. В генштабовской поликлинике мне сделали кардиограмму. И уже встать с кушетки не разрешили. Появились носилки, санитарная машина, и я с первым для себя инфарктом загремел в Центральный госпиталь им. П.В. Мандрыки. Пролежал там больше месяца, затем был санаторий «Архангельское» и снова – в строй.

В кабинете начальника управления кадров состоялась беседа со мной начальника моего оперативного управления и начальника медслужбы ГРУ (мой фронтовой товарищ Я.В. Брюханов). Прозвучала просьба вернуться месяца на три в Канаду, пока не будет подобрана замена. Конечно же, если я чувствую себя уверенно по состоянию здоровья. А если что, могу вернуться в Москву в любое время. Я согласился, но в конечном итоге в Оттаве я провёл в своей руководящей должности не три, а все восемь месяцев.

В том же году однажды из Центра пришла шифрограмма личного содержания: «Поздравляем с внуком Витей!». Вот так вдали от Родины мы стали бабкой и дедом.

Наконец замена мне пришла. Возвращались в Союз на борту красавца теплохода «Александр Пушкин» через Атлантику по двухнедельному маршруту Монреаль – Ленинград с заходом в порты Англии, Франции, Германии и Финляндии. В северной столице нас встречали дети: старшая Марина и младший Саша. Так завершилось моё пребывание в загранкомандировках.

В Москве вновь по состоянию здоровья пришлось обратиться в госпиталь, где повторился сценарий 1970 года (кардиограмма – носилки – ско-

На дипломатическом приёме.
С женой Людмилой. 1960-е годы

рая – госпиталь – санаторий), а затем прозвучало решение командования: «По состоянию здоровья для службы за рубежом неперспективен». Мне предложили работу в Военно-дипломатической академии. И с нового, 1971 года я стал старшим преподавателем ведущей кафедры стратегической агентурной разведки, где успешно служил семь лет.

За эти годы из-под своего крыла выпустил в своеобразный, ответственный, полный неожиданностей и опасностей полёт около шестидесяти молодых советских разведчиков (две группы вёл по одному году, одну – два и одну группу – три года). Многие из тез питомцев продолжают службу в ГРУ, а четверо стали генералами (в том числе – начальник управления кадров ГРУ). Без хвастовства скажу, что моя фотография как одного из лучших преподавателей академии находилась здесь на Доске почета. Три года довелось быть старшим курсового коллектива преподавателей, а по двум моим учебным пособиям и ряду учебных материалов обучаются слушатели и ныне.

Кстати, году в 1975-м приехавший в академию начальник англо-американского управления вдруг предложил мне должность военного атташе в Вашингтоне практически с немедленным присвоением звания генерал-майор. Но состояние здоровья сделать этот рывок уже не позволяло.

Через три года моя служба окончательно завершилась. В боевом строю довелось пробыть 37 лет и по преимуществу – в военной разведке.

После ухода в запас (мне было в то время 55 лет) я вновь получил предложение поработать во благо Отечества – в роли референта военно-научной группы. И тружусь в этом качестве (вырос до старшего референта) почти 17 лет. Это означает, что отдал разведке уже без малого полвека своей жизни. В военно-научной группе самостоятельно или же вкупе с коллегами участвовал в разработке и написании различных пособий, а также и проведении исследований в сфере разведки.

Осталась позади и наша с Милой-Людмилой Борисовной золотая свадьба. Выросли порядочными и самостоятельными гражданами своего Отечества трое наших детей. Но это другая тема – про их жизнь и судьбу.

На Карсунской земле давно уже нет отчего дома. Только родные могилы, которые буду навещать, пока позволяет здоровье.

Главное – жизнь моя состоялась и в службе, и в семье. Она соткана из больших и малых событий, широкого общения с родными, друзьями и коллегами, из любви к большой и малой родине, верности Отечеству.

1997 год, Москва

P.S. Завершал свои записи Виктор Фёдорович Грошев (1923–2013) так: *«Я до сих пор до мозга костей советский. И благодарен моей советской Родине, которая вывела в люди меня и моих близких, дав нам, лапотникам, высокое образование и право трудиться во благо себя и Отчизны... Именно эту Родину я защищал с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны и отстаивал её честь в мирное время...»*

Виктор и Людмила Грошевы воспитали достойных детей. Их внук Виктор Сергеевич Савельев окончил в 1993 году русское отделение филологического факультета МГУ. Доктор филологических наук, доцент. Сфера его научных интересов – историческая лингвистика текста, сопоставительный анализ древних и современных текстов, устная речь в древнем письменном тексте.

Подготовила к печати Лидия БЕРЧ
по материалам Карсунского художественно-краеведческого музея

[1] У четы Грошевых родились дочери Марина (1945) и Татьяна (1948), сын Александр (1956).
[2] Лев Аркадьевич Вальцгефер, впоследствие руководитель Карсунского лесхоза. – Ред.